

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.133.1.09-31|17|

Поэтика воплощения интимного во французском романе XVIII века: некоторые наблюдения

Н. А. Литвиненко

Литвиненко Нинель Анисимовна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежных литератур, Московский государственный областной университет, Мытищи Московской области, ninellit@list.ru

В статье исследуются особенности изображения «интимного» во французском романе XVIII в. Интимное рассматривается как историческая категория, характеризующаяся «семантической неопределенностью», в процессе эволюции романа расширяющая и углубляющая свой смысл. На основе анализа репрезентативных текстов доказывается обусловленность воплощения интимного спецификой жанра и литературных направлений.

Ключевые слова: роман, интимное, естественное, натурализация, рококо, сентиментализм, Просвещение, романтизм.

Поступила в редакцию: 03.04.2020 / Принята: 28.04.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Poetics of the Representation of the Intimate in the French Novel of the 18th Century: Some Observations

N. A. Litvinenko

Ninel A. Litvinenko, <https://orcid.org/0000-0002-9060-4996>, Moscow Region State University, 24 Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russia, ninellit@list.ru

The article examines the features of representing the 'intimate' in the French novel of the 18th century. The intimate is considered as a historical category characterized by 'semantic ambiguity', expanding and deepening its semantics in the course of the novel's evolution. By means of analyzing representational texts it is proved that the representation of the intimate is predetermined by the distinctive nature of the genre and literary trends.

Keywords: novel, intimate, natural, naturalization, Rococo, sentimentalism, Enlightenment, romanticism.

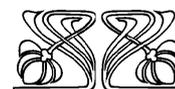
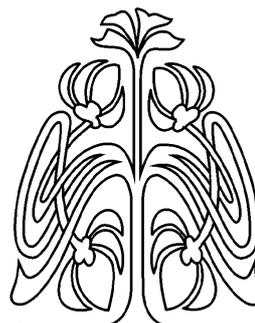
Received: 03.04.2020 / Accepted: 28.04.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

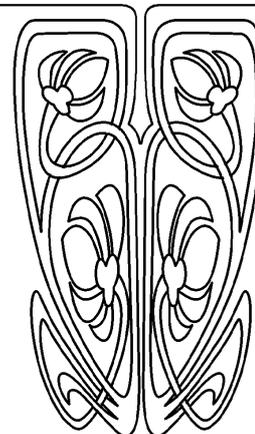
DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-281-287>

Рождение «интимного» исследователи связывают с XVIII в.¹, обоснованно полагая, что его наследник, XIX, стал «золотым веком интимного» (*âge d'or de l'intime*), поскольку «интимное» проникло во все виды литературных практик. Литературоведы подчеркивают: «Каким бы экзистенциальным и присущим психологическому онтогенезу оно сегодня ни казалось, ощущение интимности (*l'intimité*) не является неисторическим: оно изменяется во времени и пространстве»². В процессе эволюции литературы изменялась специфика синкретизма лежащих в основании этой категории философско-эстетических, нравственно-психологических начал.

Формирование и освоение интимного в эпоху Просвещения было сопряжено с выработкой новых подходов к пониманию человеческой природы, специфики личностного сознания в условиях радикального

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

пересмотра общественной идеологии, возникновения новых ценностных парадигм.

Значение «интимного», со ссылкой на латинский корень, зафиксировал Словарь Ж.-Ф. Феро (1787–1788), определяя «*intime*» как очень сильное, специфическое чувство, с очень тесными связями³. В начале XIX в., с расцветом романтизма, когда «интимизация» разнообразных сфер художественного изображения стала едва ли не универсальной (*le siècle de l'intimité*)⁴, категория «интимного» включала в свою семантику накопленный литературой предшествующего столетия более широкий и разнообразный психологический и эстетический опыт. «Словарь Французской Академии» (*Dictionnaire de L'Académie française*, 1835) выделяет в «интимном» не только доминантные свойства – специфику внутреннего и глубокого (*intérieur et profond*), но и сущностное начало, фиксирует закрепившееся в узусе этого понятия представление о тесных, глубоких – дружеских, доверительных отношениях. Словарь фиксирует связь интимного с нравственным началом, присущий интимному элемент тайны; интимное представлено как сокровенное чувство, свойство не только сознания, но и убеждения⁵. Семантика интимного, таким образом, включает обширный спектр эмоций, чувств, особенностей межличностных отношений, вплотную приближается к обозначению признаков, которые свойственны сфере публичного – и чувству любви – феномену, столь же ускользающему от однозначных дефиниций, как «интимное» и «интимность», будучи «неопределенной открытой семантической структурой», как ее охарактеризовал Поль де Ман⁶.

Жак Рико, посвятивший изучению проблемы интимного специальное исследование, пишет о четырех формах слова: прилагательного – *интимный*, субстантивированного прилагательного – для обозначения *близкого*; в качестве *абстрактного понятия*; наконец, отмечает новое использование субстантивированной формы для уточнения: «интимность» (*l'intimité*) может не означать «интимного» (*l'intime*), но выражать сущностно личное начало («*noyau privé*») привычных отношений и абстракций⁷. Очевидно, полифония неустойчиво-психологических, варьирующихся смыслов, основанных на обозначении особенностей, характеризующих личные и общественные связи индивидов (персонажей), создает обширное поле для разнообразных литературоведческих интерпретаций.

Изучение специфики интимного во французской литературе XVIII в. затрагивает магистральные антиномии, бинарные оппозиции, которые были предметом напряженной философско-эстетической рефлексии, прежде всего разума и чувства. Современные литературоведы убеждены, что XVIII в., будучи «веком разума», был в то же время и «веком чувства». Подвергая пересмотру с позиции Разума все устоявшиеся

представления, он в то же время «реабилитировал познание чувствами», ослабил «многие ограничения, которые оказывали давление на нравы в классическую эпоху»⁸, – пишет современный исследователь. Познание чувствами и чувства – предпосылка и основа глубокого проникновения интимного во французскую романистику XVIII в.

Трудности, связанные с изучением интимного, обусловлены «относительно свободным семантическим спектром» значений, «семантической неопределенностью собственно литературного содержания» (*la mollesse sémantique de la notion*)⁹ этой категории, которая на уровне семиозиса обнаруживает связи с философско-эстетическими и нравственно-психологическими дискурсами эпохи. Изучение проблемы интимного предполагает обращение к обширному кругу возникающих на этой основе связей – проблем этических и эстетических; необходимость сосредоточения особого внимания на отдельных аспектах писательского мастерства, обрисовки внутреннего мира персонажей и межличностных отношений, поскольку каждый из персонажей, в самых крайних проявлениях мнимой самодостаточности и эгоцентризма, остается частицей социума.

В рамках небольшой статьи мы ставим целью осмыслить отдельные элементы, которые формируют специфику интимного в романистике XVIII в., выборочно обращаясь к анализу некоторых репрезентативных произведений.

В XVII в. центральная оппозиция между интимным и внешним по отношению к нему – публичным, гражданским – находила воплощение в традициях картезианства – в дискурсах классицистического искусства («Федра» Расина или «Принцесса Клевская» мадам де Лафайет), что не исключало накопления опыта освоения пространства интимного в пасторальном барочном романе («Астрея» д'Юрфе), в мемуарно-дневниковой, эпистолярной прозе¹⁰. Во французской литературе XVIII в. взаимодействие литературных направлений, идей формирует новое пространство личного и интимного. Вырастая из опыта философско-эстетических исканий сторонников классицизма, барокко, рококо, сентиментализма, интимное в XVIII в. аккумулирует связи рационального и иррационального, общественно значимого и частного, традиционного для социума и не совпадающего с ним; становится предметом изображения, глубокой художественно-аналитической рефлексии; влияет на формы взаимодействия автора с читателем.

Поиски просветителями новых философско-этических универсалий, стратегий совершенствования общества неизбежно вели к размышлениям над природой и психологией человека. Частный опыт и частный индивид, его психологическое пространство, рефлексия и саморефлексия завоевывали эстетическую легитимность

и новую полноту не только в сентименталистском романе.

Основные модели взаимодействия интимного и публичного во французской литературе XVIII в., как и в английской, возникли в русле философско-эстетической парадигмы «естественного человека» – человека природы, по-разному интерпретируемых соотношений естественного и общественного, частного и публичного, разума и чувства; по-разному понимаемого естественного: то ли в руссоистском духе как изначально свойственную человеку добродетель, то ли как «естественную скандальность» натуры (в романе рококо)¹¹, порой выверяя неполноту и одного, и другого. При всем разнообразии подходов и идей (разработанных английскими, немецкими, французскими просветителями) в основании представлений о естественном лежало стремление противопоставить современной «действительности» новую познавательную онтологию – реальность создаваемого мифа – о природе, обществе и человеке. Семантика мифа включала в свою структуру вектор демократизации, который, будучи трансформирован, станет одним из магистральных в послереволюционную эпоху. В XVIII в. интимное и личное, как специфические сферы проявления естественного – природы и прав индивида, были предметом изображения, в первую очередь, создателей различных модификаций эпических жанров.

Классический материал провокативной «депсихологизации» интимного пространства представляют философские повести Вольтера. Так, в «Кандиде» (*Candide ou l'optimisme*, 1759), оспаривая философский тезис Лейбница о «предустановленной гармонии», в пародийно-комическом, раблезианском ключе изобразив катастрофизм судеб своих героев, писатель использовал в качестве отправного архетипический романский мотив любви, приключений, которые различают и в конце соединяют влюбленных. Любовный мотив пародирует естественное и интимное. Влечение, страсть представлены на уровне знака, в максимально редуцированной форме как императив столь же абсурдный, как и лейбницевская идея. Его воплощение не затрагивает личностных черт персонажей, скрепляет, маркирует внешние параметры каскада приключений, в которых участвуют герои. Приемы бурлеска, игровой поэтики, обнажающие условность естественного и интимного пластов изображения, смещают акцент в плоскость философско-дидактического иронического дискурса¹², который едва прикрыт внешней сюжетной канвой.

В отличие от Вольтера, автор «Духа законов» Монтескье в «Персидских письмах» (*Lettres persanes*, 1721) вплотную подходит к масштабной проблеме осмысления опыта интимных отношений, национальных моделей поведения людей и типов любовных отношений. Отказываясь от принципов натурализации, писатель исполь-

зует диалогическую форму психологической рефлексии. Универсальное, естественное приобретает статус относительности, соотносено с общественным и национальным, подвергнуто своеобразной девальвации, включает глубоко личностное измерение. Интимное является не знаком или «поводом» для разворачивания сюжетной интриги, в образе и трагической судьбе Роксаны становится важнейшим ценностным критерием, определяя нравственную, психологическую проблематику изображения интимного в романе. На французском материале психологизацию интимного как общественно значимой проблемы вслед за Монтескье осуществил Дидро в «Монахине» (*La religieuse*, 1848), включив глубоко частную судьбу героини в пространство социально конкретных связей и отношений.

Поэтика интимного играет определяющую роль в тяготеющем к жизнеподобию галантно-психологическом романе Кребийона-сына «Заблуждения сердца и ума» (*Les Égarements du cœur et de l'esprit*, 1836). В нем естественное влечение, мотивированное юностью героя, тонет в перипетиях светских интриг, превращая де Мелькура в жертву, разрушая его надежды и расшатывая нравственные основы его сознания. Герой, обладающий способностью чувствовать, размышлять и любить, в стилистике иронического, «игрового» дискурса рококо проходит школу «воспитания» – искушения, выбора, обмана и самообмана, с тем чтобы в конце романа «воскреснуть для добрых чувств»¹³. Проблематика произведения включает полифонию оттенков, характеризующих внутренний мир героя, метаморфозы его чувств и ума. Традициям «массового» романического – «надуманных совпадений и небывалых героев», чьи «характеры и приключения неправдоподобны»¹⁴, автор противопоставил изображение «действительной жизни» – нравов светского общества. Личное, личностное, интимное нравственно маркированы повествователем, в стилистике рококо постоянно соотносятся с общественным и публичным¹⁵. Пространство «заблуждения» (*égarement*) становится «пространством блуждания» «в первую очередь между полюсами интимного и публичного, между жизнью в свете – и “уединением от света”»¹⁶, – пишет Н. Т. Пахсарьян. Напряжение, которое возникает между полюсами, характеризует не только роман рококо, но и сентименталистский роман Руссо, служит почвой для аналитической и художественной рефлексии.

Конфликт «заблуждения» и власти интимно-иррационального нашел воплощение в романе «Манон Леско» (*Histoire du chevalier des Grieux et de Manon Lescau*, 1831), автор которого кардинально пересматривает семантику изображения любви. Прево погружает читателя в бездну, суррогат, рай любовной коллизии, когда естественное чувство претерпевает странные, на первый взгляд, непостижимые метаморфозы, в процессе

которых публичное, театрализованное, фальшивое и нравственное, интимное создают разрушительный для судеб героев, «неестественный» и трагический симбиоз.

Интимные и естественные чувства, влечения, замешанные на стремлении героини к роскоши и безволии героя, не укладываются в нормативно-рационалистическую логику Тибержа. Происходит порожденная эпохой Регентства натурализация неестественного и двусмысленного. Природное в изображении страсти де Грийе сродни роковому наваждению, волшебному напитку, который некогда испили Тристан и Изольда. Как некая изначальная данность, иррациональное, природное чувство любви, как в средневековом романе, не способно сообразовываться с реальностью общественной, «объективной». Развертываясь в жизнеподобном, социально очерченном пространстве, дискурс интимного проявляет двойственную семантику – ведет героев к катастрофе, но и скрывает в глубине нечто бесценное – архетип обетованного «рая». Неразрешимость (или мнимая разрешимость) нравственных коллизий пробуждает читательскую рефлексию над природой человека и героев, либертинажа в XVIII в., как правило, обесценивавшего любовь.

Исследователи, посвятившие свои труды проблемам собственно «либертинской» литературы¹⁷, отделяют ее от иронически-эротической романистики Кребийона-сына, от философско-эротических «Нескромных сокровищ» (1847) Дидро, где писатель сбрасывает покровы традиционной благопристойности, обращается к сексуально-психологической проблематике, раскрывает двойственность человеческой природы, ее связи с общественным и публичным, в просветительских традициях критикует современные нравы. Литературоведы подчеркивают отсутствие у создателей собственно эротической «либертинской» литературы интереса к моральным проблемам, сосредоточенность на стратегиях пробуждения эротического воображения¹⁸, выработке приемов обольщения. Наряду с разрушением моральных основ интимного, подобная литература осваивала сексуальную сферу интимного опыта, что косвенно служило импульсом для расширения границ познания интимного в литературе. Литературоведы единодушны в констатации трудности разграничения, размытости границ между порнографией и эротикой, непристойным и галантным, знанием и желанием, «природой» и воспитанием¹⁹.

Литература либертинажа XVIII в. вырабатывала свои клише в описании пространств, интерьеров, деталей, содержащих семантику «непристойно-интимного»²⁰. При этом представление о природе человека и границах естественного существенно менялось, на новой основе противопоставлялось «приличному», искусственному и фальшивому, вводило в сферу изображения табуированные темы, мотивы эротики, сексу-

ального наслаждения (например, роман «Тереза-философ», приписываемый маркизу д'Аржансу – *Thérèse philosophe*, 1748). Вслед за А. Винсент-Бюффо, однако, важно заметить: сентиментальное, моральное и сексуальное не были в оппозиции к литературно-драматургическим процессам эпохи²¹. Речь может идти о соотношении разнородных пластов литературы, типов и модусов освоения интимного, чувственного, сексуального опыта в литературе.

Особую ценностную семантику в подходе к интимному завоевывают сторонники сенсуалистских идей, писатели-сентименталисты, особенно Руссо. В его романах произошло принципиально новое развоплощение сублимационной модели «естественного человека». Интимное в качестве естественного по-прежнему служило основанием для моральной рефлексии, погружения во внутренний мир героев, нравственно-этическая основа по-прежнему формировала пространство напряженных психологических размышлений персонажей, но личное, личностное, неповторимо «другое» вступало в трудно преодолимые или непреодолимые противоречия с законами натурализации природного и естественного начала. Как заметил Л. Баткин, Руссо «колебался» между логически несовместимыми ответами. Между формальным историзмом и моральным вызовом истории²², в том числе в сфере изображения интимного.

Естественное в «Новой Элоизе» (*Julie ou la Nouvelle Héloïse*, 1757–1760) служит предпосылкой, рациональным и идеологическим обоснованием эволюции описываемых психологических коллизий. Литературовед М. Эрсан отмечает умение Руссо выразить искренность, музыкальность, страсть, идеальную природу испытываемых героями чувств, пишет о платонизме, слиянии душ, о «возвышенной песне любви», которой стала «Новая Элоиза», об «экстатическом общении в осмосе душ», объединенных от времени, устремленных к «абсолютной любви»²³. Действительно, интимное пространство любви в романе – это возвышенное стремление героев к истинному и прекрасному, но это лишь поверхностный слой, под которым скрывается саморазрушительное начало – «саморазрушительная сила»²⁴, по выражению Поля де Мана. Руссо далек от игровой стилистики Кребийона, пожалуй, неожиданным образом он ближе к парадоксальной логике Прево.

В романе Руссо разум уже утратил абсолютную самодостаточность, но естественное чувство не может избавиться от рациональных, общественно маркированных, порой мнимо значимых его изощренных построений. Ценностная метаморфоза в том, что в конце романа благостная утопическая искусственная конструкция, выстроенная писателем, рушится. Руссо «взрывает» рационалистически мотивированную парадигму предшествующего сюжета предсмерт-

ным письмом Юлии. «Ретроспективная ясность, достигнутая в середине романа, не распространяется на вторую часть, <...> удобочитаемость первой части нарушена еще более радикальной неопределенностью, отбрасывающей свою тень и назад и вперед, и на весь текст»²⁵, – пишет Поль де Ман. Сфера несостоявшегося интимного, погружающего героиню в просветленное состояние надвигающейся катастрофы, вынесена за пределы ее земной жизни, остается скрытой под универсальным покровом нового естественного – веры, традиционной религиозной утопии, заставляя читателя испытывать колебания между сочувствием, сожалением и восхищением героиней Руссо. Развязка ее судьбы обрела новую амбивалентность, соединив несоединимое счастье-любовь-веру-жизнь-смерть-рай. Смыслы, состояния, представления о естественном и неестественном приобретают новую символическую целостность и соотносительность.

Иная специфика изображения интимного нашла воплощение в романе Бернарда де Сен-Пьера «Поль и Виржини» (*Paul et Virginie*, 1788), «камерном» и гораздо более «простом», чем «Новая Элоиза», который сочетает руссоистские традиции сентиментализма с признаками поэтики более поздней, приближающейся эпохи – романтизма.

В этом романе интимное совпадает с естественным во всех аспектах проблематики, входит в изображение чувствительности и чувства, добродетели и страстей, уединения и воспитания естественного человека, в пейзажную живопись романа, в изображение эмоционального мира персонажей. Рассказчик, повествующий о жизни героев, не склонный к морализации, строит ее как свою личную историю (свидетелем и участником событий был он сам), стремится вызвать эмоциональную реакцию – сострадание к героям. Шатобриан, наделявший своих героев бурными страстями, ощутил «равномерное сияние, льющееся на усыпанную цветами безлюдную местность», господствующую в романе нравственную меланхолию («*morale mélancolique*»)²⁶. Заметим: сияние это в конце романа вспыхивает и меркнет в трагическом исходе событий. «Общественное» и публичное – предпосылка и причина катастрофы, противопоставлены идеальным свойствам, нравственной чистоте героев. Естественное и «общественное» оказываются несовместимы.

Мысль и ассоциация в сентименталистской пасторально-идиллической традиции утверждают приоритет чувства, «сродства душ», в отношениях между героя нет даже тени чувственных эмоций. Поль и Виржини – «дети природы», идеальные герои, до грехопадения мира исповедующие ту абсолютную любовь, предчувствие которой возникло в воображении умирающей Юлии-Элоизы. Естественное, этическое, возвышенное в природе и отношениях между персонажами связано с уходящим в мифологическую

традицию архетипом, с утопией и идиллией; интимное на этой основе приобретало в романе универсальный и символический смысл.

Утопическое пространство «Поля и Виржини» формируется как пространство точно локализованного радостного эдема, но в нем скрыта угроза (вблизи – Бухта Могилы, Мыс Несчастья). Накапливающиеся в преддверии романтизма ресурсы освоения поэтики экзотического пейзажа предсказывают слияние интимного с загадочным и грандиозным, изображение живописного в качестве сущностного начала мироздания, внутреннего мира героев: «Горное эхо неустанно вторит шуму ветров, волнующих соседние леса, и грохоту волн, разбивающихся вдалеке о скалы» (перевод наш. – Н. Л.)²⁷.

Эпическое пространство романа опозитировано. По ритму и звучанию, по сочетанию красок, по целостному охвату оно живое и живописное, обнаруживает на эстетическом уровне переход чувствительности (как свойства повествователя и героя) в субъективно окрашенную, напряженно переживаемую, еще не безоглядно, но все-таки разрывающую свои связи с логикой рациональности стихию лирического изображения. Бернарден де Сен-Пьер наполняет общесентименталистскую модель идиллическим, постепенно драматизируемым, нарастающим трагическим смыслом, который врывается в парадигму естественного, чтобы совершить необратимую и разрушительную подмену естественно-доброе и счастливого на торжество иррационального, безжалостного и рокового.

Лирическая символизация создает пространство тесного контакта читателя с героями, предвосхищая поэтику пейзажной живописи в произведениях Жерико, Шатобриана, Ламартина, Гюго. Интимное, личное, идеальное обнаруживает свою незащищенность и хрупкость. Трагический парадокс в том, что не только разумное и рациональное, но и эмоционально-возвышенное, идеальное начало не выдерживает испытания «жизнью». В этом нашла проявление ирония – «характерная черта романа Просвещения»²⁸, «ирония судьбы»²⁹ – не философская, как в трудах многих просветителей, а трагическая ирония, предвосхищающая эстетический опыт романтизма с его представлением не только о «вечной изменчивости», но и о «вечном хаосе» жизни.

Апелляция к «естественному» во французской литературе XVIII в. по-разному сублимировала сферу личных, личностных, частных, интимных сторон жизни индивида, который в силу идеологических, общественных, психологических факторов выпал или выпадал из своей среды. Сфера антиномий, трансформаций и антитез в изображении взаимосвязей героя и общества, публичного и интимного, частного затрагивала все грани романной поэтики, находила

проявление в изображении судеб персонажей, в демонстрации авторских установок, в утверждении или переоценке тех или иных философских, социальных и этических идей, в попытке их реконструкции или деструкции – в «либертинной литературе» XVIII в., в творчестве маркиза де Сада, открывшего «человеческое тело», «фантазм природы», «предшествующей человеку»³⁰, сделавшего естественным в человеческой природе преступление и порок³¹.

Парадигма естественного, редуцировавшая представления об интимном, переставала подчиняться законам натурализации. Будучи предметом писательской рефлексии, она обнаруживала неполноту. В процессе эволюции вырабатывались и утверждались новые ценностные начала, новое понимание семантики интимного в жизни и литературе, идеальных ценностей человечности (*humanité*)³².

Поэтика интимного органически связана с воссозданием психологии, внутреннего мира, межличностных отношений персонажей, с той «карнавальностью», которой отмечен XVIII в. Изображая эмоции, переживания, страсти, муки совести, колебания, страдания своих героев, писатели иронически и серьезно рисуют, «исследуют» стереотипы, сложившиеся в сознании читателя и героев, формируют этические и эстетические представления о человеке, входящем в возраст «совершеннолетия», создают новые типы героев, чувствительных и пользующихся Разумом, выверяют аксиологические ресурсы существующих или формирующихся философско-эстетических представлений и систем

Художественная реальность интимного и референциальная иллюзия, по-разному структурируемая романистами, требуют в обоих проявлениях специального исследовательского внимания.

Примечания

- 1 См.: *Genand St.* Les proscrits de l'intime // Itinéraires. Pour une histoire de l'intime et de ses variations. 2009. Iss. 4. P. 107–116. DOI: <https://doi.org/10.4000/itineraires.1039>
- 2 *Madelénat D.* L'Intimisme. Paris, 1989. URL: <https://www.puf.com/content/Lintimisme> (дата обращения: 07.02.2020).
- 3 См.: *Féraud J.-F.* Dictionnaire critique de la langue française (1787–1788). «Говорят также: союз, интимная связь = глубокая, с особой любовью, очень тесная связь. “Они глубоко (интимно) связаны” (Ils sont intimement unis)» (перевод наш. – *Н. Л.*). URL: <https://dvlf.uchicago.edu/mot/intime> (дата обращения: 06.01.2020).
- 4 См.: *Diaz B., Diaz J.-L.* Le siècle de l'intime // Itinéraires. Pour une histoire de l'intime et de ses variations. 2009. Iss. 4. P. 117–146. DOI: <https://doi.org/10.4000/itineraires.1052>
- 5 См.: Dictionnaire de L'Académie française. 6e éd. 1835. Intime: то, что «существует в нравственном смысле, в глубине души, внутреннее убеждение, “Я глубоко убежден в этом”, сокровенное чувство <...>» (перевод наш. – *Н. Л.*). URL: <https://dvlf.uchicago.edu/mot/intime> (дата обращения: 12.01.2020).
- 6 *Ман П. де.* Аллегории чтения. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 234.
- 7 См.: *Ricot J.* De l'intimité à l'intime // Éthique du soin ultime, 2010. P. 65–72. URL: <https://www.cairn.info/ethique-du-soin-ultime-9782810900145-page-65.htm?contenu=plan> (дата обращения: 07.02.2020).
- 8 *Vincent-Buffault A.* Érotisme et pornographie au XVIIIe siècle : les dispositifs imaginaires du regard // Connexions. 2007. № 87. P. 97–104. URL: https://www.cairn.info/article.php?ID_ARTICLE=CNX_087_0097# (дата обращения: 17.02.2020).
- 9 *Diaz B., Diaz J.-L.* Op. cit.
- 10 См.: *Пахсарьян Н.* Французская литература XVII века // История зарубежной литературы XVII–XVIII веков. URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/pahsaryan-17-18v/francuzskaya-literatura-xvii.htm> (дата обращения: 05.01.2020).
- 11 См.: *Пахсарьян Н.* «Ирония судьбы» века Просвещения. URL: forlit.philol.msu.ru/Библиотека/pahsaryan-article2-ru (дата обращения: 15.02.2020).
- 12 См.: *Ермоленко Г.* Формы и функции иронии в философской повести Вольтера. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/ermolenko-formy-i-funkcii-ironii.htm> (дата обращения: 15.02.2020).
- 13 *Кребийон-сын К.* Заблуждения сердца и ума, или Мемуары г-на де Мелькура / пер. с фр. А. А. Поляк, Н. А. Поляк. М. : Наука, 1974. С. 344.
- 14 Там же.
- 15 См.: *Пахсарьян Н.* Женское и мужское пространство во французском романе рококо. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/pahsaryan-zhenskoe-i-muzhskoe.htm> (дата обращения: 10.02.2020).
- 16 Там же.
- 17 См.: *Magnot-Ogilvy F.* De l'obscur désir de cerner // Acta fabula. 2005. Vol. 6, № 1. URL: <http://www.fabula.org/revue/document779.php>, page consultée le 05 février 2020 (дата обращения: 18.12.2019).
- 18 См.: *Vincent-Buffault A.* Op. cit.
- 19 См.: *Genand St.* Op. cit.
- 20 Ibid.
- 21 См.: *Vincent-Buffault A.* Op. cit.
- 22 См.: *Баткин Л.* Личность и страсти Жан-Жака Руссо. М. : Изд-во РГГУ, 2012. С. 166.
- 23 *Hersant M.* Rousseau : au plus près de l'être // Acta fabula. 2015. № 7. URL: <http://www.fabula.org/acta/document9564.php> (дата обращения: 07.01.2019).
- 24 *Ман П. де.* Указ. соч. С. 251.
- 25 Там же. С. 257
- 26 *Шатобриан Ф.* Гений христианства // Эстетика раннего французского романтизма : пер с фр. / сост., вступ. ст. и коммент. В. А. Мильчиной. М. : Искусство, 1982. С. 149. (История эстетики в памятниках и документах).
- 27 «Les échos de la montagne répètent sans cesse le bruit des vents qui agitent les forêts voisines, et le fracas des vagues

qui brisent au loin sur les récifs» (*Saint-Pierre B. Paul et Virginie*. URL: http://www.areopage.net/Textes/Paul_et_Virginie.htm (дата обращения: 10.12.2019)).

²⁸ *Сейте Я.* Роман // Мир Просвещения. Исторический словарь / под ред. В. Ферроне, Д. Роша. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 318.

²⁹ *Пахсарьян Н.* «Ирония судьбы» века Просвещения.

³⁰ Марсель Энафф пишет, что маркиз де Сад сосредоточивает в крике своих жертв «додискурсивное, которое отсылает к фантазму природы, предшествующей

человеку (природа вечная, безразличная, невинная), и трансдискурсивное, достигаемое в языке, уничтоженном пыткой, в презренной институции оргии и преступления (природа безжалостная и жестокая, которая становится доступной лишь через насилие и жестокость). И тело объединяет эти два регистра» (*Энафф М.* Маркиз де Сад. Изобретение тела либертена. СПб.: Гуманитарная Академия, 2005. С. 134).

³¹ *Пахсарьян Н.* «Ирония судьбы» века Просвещения.

³² *Сейте Я.* Роман // Мир Просвещения. С. 338.

Образец для цитирования:

Литвиненко Н. А. Поэтика воплощения интимного во французском романе XVIII века: некоторые наблюдения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 281–287. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-281-287>

Cite this article as:

Litvinenko N. A. Poetics of the Representation of the Intimate in the French Novel of the 18th Century: Some Observations. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 281–287 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-281-287>
